

УДК 323.1(100)1

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ ПРОТЕКАНИЯ «ЦВЕТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.В. Прокофьев

Аннотация

В статье рассматривается феномен нашего времени – «цветные» революции. Автор комплексно исследует причины этих событий и условия, в которых они протекают.

Отвергая популярные в объяснении «цветных» революций упрощенные схемы, связывающие данные революции либо с влиянием стран Запада, либо со спонтанным порывом недовольного населения, автор показывает, что «цветная» революция – сложный феномен, тесно связанный с процессами постсоветской трансформации стран СНГ и имеющий ряд как внутренних, так и внешних причин.

Ключевые слова: цветная революция, оранжевая революция, революция роз, тюльпановая революция, Грузия, Киргизия, Украина, постсоветская трансформация СНГ.

«Цветные» революции часто называют самыми значимыми событиями со времен падения коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе и распада СССР. Исследования причин этих революций и условий их протекания являются крайне актуальными и необходимыми в настоящий момент. Данная статья, не претендуя на полный анализ названных аспектов «цветных» революций, имеет своей целью рассмотрение ряда важных факторов, а именно: источников недовольства населения, некоторых элементов политического устройства стран СНГ, а также состояния политических элит.

* * *

В странах СНГ мы можем обнаружить множество источников недовольства режимами среди разных социальных групп. Падение советского режима характеризовалось двояким процессом в сознании граждан бывшего СССР. Условия жизни почти всех социальных слоев ухудшились. При первом приближении это было что-то похожее на прогрессирующую депривацию, хорошо описанную Т. Гарром [1, с. 90] (см. рис. 1). Однако если бы это было так, то мы бы наверняка получили серию революций на пространстве СНГ почти сразу после распада СССР. Этого не произошло по ряду причин. Экономика в условиях масштабной трансформации дышала на ладан, поэтому люди соотносили свои ценностные ожидания с объективной действительностью их окружавшей. Так, В. Рансимен в работе «Относительная депривация и социальная справедливость» указывает на важную зависимость: «Если люди не имеют причин ожидать или надеяться на большее, нежели они в состоянии достичь, они будут ме-

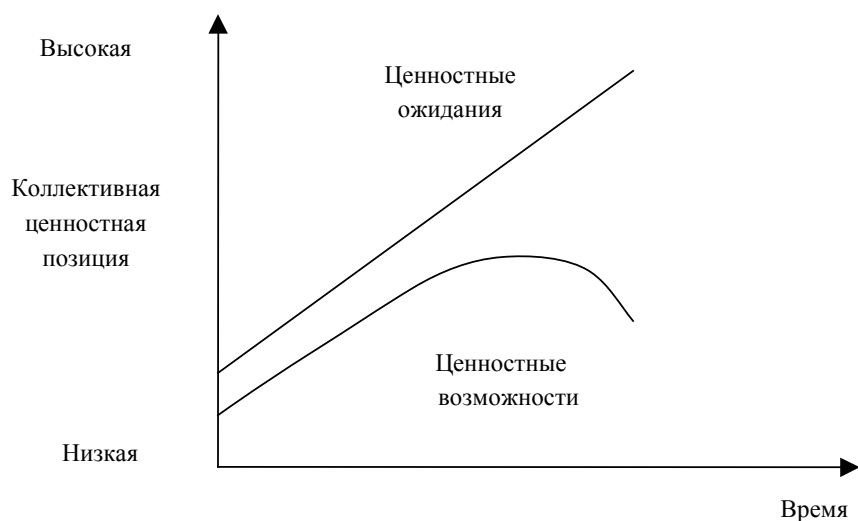

Рис. 1. Прогрессирующая депривация [1, с. 90]

Табл. 1

Сравнение ВВП по ППС на душу населения в странах СНГ за 1990 и 2003 гг.¹

Страна	ВВП по паритету покупательской способности на душу населения (US \$)		Темпы роста ВВП (%) в 2003 г.
	1990 год	2003 год	
Азербайджан	1640	3400	9.9
Армения	2380	3900	9.9
Белоруссия	3110	6000	6.1
Грузия	2120	2500	5.5 ²
Казахстан	2600	7000	9.0
Киргизия	1570	1600	6.0
Молдавия	2390	1800	6.3
Россия	3430	8900	7.3
Таджикистан	1130	1000	9.9
Туркмения	1690	5700	20.0
Узбекистан	1340	1700	3.4
Украина	2500	5300	8.2

нее недовольны тем, что имеют, или даже будут испытывать благодарность за то, что могут удержать это» (цит. по [1, с. 62]). В обстановке экономического коллапса и всеобщего обнищания, конечно, трудно было ожидать лучшего или надеяться на большее, и люди понизили свои ценностные ожидания.

Ситуация начала меняться с 1996 г., когда на пространстве СНГ почти повсеместно начался экономический рост. Еще более важным является тот факт, что ВВП, рассчитанный по паритету покупательской способности на душу населения, в абсолютном большинстве стран СНГ к 2003 г. (то есть ко времени начала волны «цветных» революций на пространстве СНГ) превысил уровень

¹ В таблице использованы данные из девятого издания «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия» (БЭКМ) — современной универсальной российской энциклопедии.

² Данные темпов роста ВВП Грузии приводятся за 2002 год.

1990 года и продолжил рост (см. табл. 1). Экономический рост, происходивший в странах СНГ, качественно менял массовые настроения. При всей неравномерности распределения результатов этого роста среди населения экономическое положение основных масс населения также становилось лучше.

Повышение ценностных возможностей незамедлительно сказалось на более четком осознании ценностных ожиданий. При приближении к цели у индивида усиливается тенденция приближения к ней [1, с. 62]. Э. Хоффер писал, что «недовольство сильнее всего, пожалуй, тогда, когда страдания терпимы, то есть когда условия жизни улучшаются настолько, что человеку начинает казаться возможным полное благополучие» [2, с. 43]. Поэтому тот факт, что «цветные» революции на пространстве СНГ начали происходить не во время глубочайшего спада, а в период роста, является не странным (или указывающим на влияние внешних сил, затуманивших разум населению, как пишут некоторые авторы), а закономерным.

Еще одним важным следствием экономического роста в странах СНГ стал демонстрационный эффект восходящей мобильности некоторых социальных групп в странах СНГ. Он играет большую роль в повышении ценностных ожиданий населения. Дело в том, что показ образа жизни на Западе не мог сформировать референтных ориентаций на социальные группы западноевропейских стран и США, так как очевидно было отличие в развитии экономик. Однако когда население стало наблюдать, как стремительно обогащаются некоторые социальные группы внутри страны, то оно начало соизмерять ценностные возможности. На основании этого корректировались и ценностные ожидания. В итоге надо сказать о росте интенсивности относительной депривации, который всегда налицо в случае, когда люди сравнивают собственные обстоятельства с обстоятельствами какой-нибудь референтной группы, имеющей то, что желанно для них, и то, что, по их мнению, они имеют право получить [1, с. 155]. Еще Аристотель, предвосхищая исследования в этом направлении, указывал на то, что это может быть причиной распрей и государственных переворотов [3, с. 529].

Не менее важным было и образование статусной несовместимости у ряда социальных групп в обществах на пространстве СНГ. Так, учителя, врачи, ученые, различные специалисты обладают высокой образовательной статусной позицией, однако их материальное положение, очевидно, не соответствует ей, особенно после того, как группа чиновничества со схожим и даже более низким образовательным статусом, имея присущий ей по определению более высокий статус во властной сфере, совершила восхождение в материальной сфере. Острую форму статусной несовместимости можно отметить также в среде образованной молодежи и в социальной группе малого и среднего бизнеса. Так, бюрократия, которая обладает необузданной силой на пространстве СНГ, априори противодействует развитию бизнеса. Л. Мизес в своем труде «Бюрократия» метко отметил: «Бюрократия проникнута неукротимой ненавистью к частному бизнесу и свободному предпринимательству. Но сторонники бюрократической системы именно это считают самым похвальным в собственной позиции. Они вовсе не стыдятся своей политики, направленной против бизнеса, они, напротив, гордятся ею, они стремятся к полному государственному контролю над бизнесом, а в каждом бизнесмене, который хочет избежать такого

контроля, видят врага общества» [4, с. 14]. Поэтому люди, сумевшие добиться материального благополучия самостоятельно и без всякой помощи государства, ощущали, что занимают достаточно высокую статусную позицию в экономической сфере, при этом оставаясь незащищенными от угроз и вымогательств налоговых, таможенных органов и различных силовых структур. Они не могли не чувствовать постоянной угрозы не только своему экономическому благосостоянию, но и своей личности и семье. Все это было результатом того, что восходящая экономическая мобильность не сопровождалась соответствующим возрастанием степени политического участия, которое расценивается как гарантия от экономических и других ограничений.

Социальные группы стремятся к восстанию для того, чтобы приспособить свою властную позицию к экономической, потому как слишком низкий уровень властной позиции создает угрозу их экономическому благополучию [1, с. 162–163]. Именно это, по мнению многих исследователей, является ключом к пониманию, например: Пуританской революции в Англии, революции 1789 г. во Франции, революции 1917 г. в России и многих других. Так, К. Маркс, описывая в своей работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» революционные события, указывал на то, что мощной оппозиционной и революционной силой были как промышленная буржуазия, так и мелкая буржуазия со всеми ее идеологическими представителями в виде ученых, адвокатов, врачей. Причиной же их недовольства как раз было то, что они были или устранены от участия в политической жизни, или ограничены в участии [5, с. 8–9]. Многие исследователи, описывая уже «цветные» революции, называли их революциями «миллионеров против миллиардеров» [6, с. 191] в том смысле, что малый и средний бизнес был отстранен от власти, в отличие от крупнейших капиталистов. На огромную роль в «оранжевой» революции на Украине малого и среднего бизнеса, поддержавшего революцию ввиду своих страданий от бюрократии, коррупции и низкого политического участия, указывает и директор Украинского отделения Международного института гуманитарно-политических исследований В. Малинкович [7, с. 37–41].

Еще одним фактором, влияющим на рост относительной депривации и действующим на пространстве СНГ, особенно в странах, где произошли «цветные» революции, можно назвать идеологии. Э. Хоффер писал: «Массовое движение обычно не появляется до тех пор, пока не дискредитирован, не опорочен существующий порядок. Дискредитация эта не происходит автоматически, в результате грубых ошибок и злоупотреблений власть имущих, а является результатом преднамеренной работы недовольных «людей слова» [2, с. 149]. Не менее ярко по этому поводу выразился в своей работе «История русской революции» Л. Троцкий: «На самом деле одной наличности лишений недостаточно – иначе массы восставали бы всегда; нужно, чтобы окончательно обнаруженная несостоятельность общественного режима сделала эти лишения невыносимыми и чтобы новые условия и новые идеи открыли перспективу революционного выхода» [8, с. 8–9].

Идеологии, обличающие режимы и намечающие направления изменений, появились и активно распространялись в Грузии, на Украине и в Киргизии. Эти идеологии были, по сути, стандартным набором ценностей либеральной демо-

кратии: свобода личности, свобода прессы, свобода политической деятельности и свободные равные выборы. Кроме того, критиковались пережитки советско-номенклатурного типа управления: коррупция, клановый характер власти, попытки сохранить власть после истечения законом отведенных сроков и т. п. При этом основания для критики и обличения режимов А. Акаева, Л. Кучмы и Э. Шеварднадзе были более чем достаточными. Впрочем, подобные ситуации существуют почти на всем пространстве СНГ, где использование власти для того, чтобы члены семей неожиданно открывали таланты бизнесменов и становились крупнейшими капиталистами, а другие родственники столь же неожиданно обнаруживали таланты политиков, является скорее правилом, чем исключением. Важно еще то, что кроме критики и обличения режимов идеологии способствовали выдвижению новых лидеров.

Значительное влияние оказали также примеры успешных революций. В 2000 г. в Югославии во время выборов президента произошла революция, которая, используя целый спектр ненасильственных технологий и акций протеста, уничтожила режим С. Милошевича при попытке фальсификации результатов выборов. Этот показательный пример определенно оказал влияние на грузинскую оппозицию, которая кроме революционного энтузиазма и увеличения надежд получила образец успешных действий. Более того, сами лидеры постсоветских режимов никак не хотели повторять судьбу С. Милошевича, попавшего под международный трибунал. Украинские же оппозиционеры имели куда более близкий пример «революции роз» в Грузии. Что касается Киргизской революции, то отчасти могло создаться впечатление, что революция там в большей степени произошла по инерции вслед за Украиной и Грузией. Объясняя данную закономерность, Т. Гарр писал, что «успешная революция может снабдить людей подходящими моделями действий в тех местах, где прежде попытки революций были неудачными, и заставить их предположить, что новая попытка может оказаться более успешной» [1, с. 148]. Этот фактор также способствует росту относительной депривации. То, что революция определенным образом «заразна», отмечали уже очень давно. В своем масштабном исследовании «Социальная и культурная динамика» П. Сорокин на основании изучения информации о социальных волнениях в истории сделал вывод о том, что силы, порождающие волнения, редко, а возможно, никогда не действуют в одной стране. Волнения начинаются сразу в нескольких странах или же, начавшись в одной, распространяются на ряд других [9, с. 762].

Все эти факторы, способствующие росту ценностных ожиданий, которые значительно опережали имевший место рост ценностных возможностей, привели к ситуации, когда относительная депривация получила как широкий масштаб распространения, так и высокую интенсивность. Кроме того, в ряде стран недовольство было политизировано и направлено против правящего режима. Следствием этого стала готовность населения к массовому протесту.

Рассмотрев источники недовольства населения, обратимся к анализу состояния политических элит. Состояние политических элит и контрэлит на пространстве СНГ различно. В Туркмении, Белоруссии мы наблюдаем монолитность политической элиты и отсутствие или маргинальность оппозиции из-за жесткости этих режимов. Схожая ситуация сложилась и в Узбекистане, где оппозиция

представлена в основном исламским религиозным движением. Азербайджан, Россия, Казахстан, Таджикистан пытаются усиливать процессы интеграции политических элит и контролировать контрэлиты. Пободную политику пытался вести и режим А. Акаева в Киргизии. Молдавия, Украина, Армения, Грузия имеют активно действующие группировки внутри политических элит и достаточно развитую контрэлиту, которая также зачастую сильно разобщена, как, например, в Армении.

Важно отметить, что одним из решающих факторов, сделавших возможными революции в Грузии, Киргизии и на Украине, было то, что, во-первых, политическая элита не была целиком монолитной; во-вторых, существовали возможности для формирования контрэлиты.

На Украине есть несколько крупных политико-экономических элитных групп: киевская, днепропетровская, донецкая, харьковская и львовская группировки. Естественно, они не равны по своим ресурсам. Большую роль в последней революции на Украине сыграли донецкая, днепропетровская, киевская и львовская политико-экономические группы.

Киевская группа (не обладая мощными промышленными ресурсами в отличие от донецкой и днепропетровской) всегда была заметна в публичной деятельности. Она обладает неплохими ресурсами в виде подконтрольных СМИ. Ее политическим активом является «объединенная Социально-демократическая партия Украины» (СДПУ (о)), которая в 2002 г., преодолев 4%-ный барьер, прошла в парламент и сформировала там фракцию. Один из ведущих представителей группы, Виктор Медведчук, был главой администрации президента Кучмы во время президентских выборов 2004 года.

Донецкая группа сформировалась в самом индустриально развитом регионе Украины. Ее экономические активы включают в себя сконцентрированные в Донецком регионе предприятия горно-металлургического комплекса. Группа обладает неплохими медиаресурсами. Среди политических структур надо отметить «Партию регионов». Донецкая группа (к ней принадлежит В. Янукович) неоднократно заявляла о своих президентских амбициях. В 1995 г. донецкая группа, чьими наиболее значительными представителями тогда были Е. Щербань, А. Брагин, В. Щербань, уже имела грандиозные планы. Так, Е. Щербань заявлял, что «хочет кто-то того или не хочет, но Владимир Щербань станет президентом Украины» [10, с. 200]. Однако тогда реализовать планы донецкой группе не удалось. А. Брагин и Е. Щербань были убиты, а В. Щербань был снят Л. Кучмой с поста. Это лишний раз демонстрирует тот факт, что другие элитные группы, в том числе и днепропетровская, с настороженностью относились к донецким стремлениям возглавить Украину. И это отчасти объясняет не слишком яркую борьбу Л. Кучмы за своего преемника В. Януковича.

Днепропетровская группа опирается на мощный промышленный комплекс Днепропетровской области. Лидером группы являлся экс-президент Украины Л. Кучма. Это позволяло днепропетровской группе выдвигать своих представителей на ключевые посты национального уровня. Кроме того, можно отметить большую группу медиаресурсов, находящуюся под их контролем и включающую несколько популярных общенациональных каналов, радиостанций и изданий. Однако эта влиятельная элитная группа сама по себе не была моноли-

том. В 1997 г. в опалу попали яркие представители днепропетровской политико-экономической элиты Павел Лазаренко и Юлия Тимошенко. При этом если П. Лазаренко вынужден был покинуть страну и выбыл из политической борьбы, то Ю. Тимошенко стала одной из ключевых фигур оппозиции президенту Л. Кучме. Ю. Тимошенко, обладательница огромного состояния и больших связей с бизнес-структурами Украины и России, могла помочь в обеспечении материальной базы оппозиции.

Львовская группа не имеет значительных экономических активов. Один из главных ресурсов этой группы – идеология украинского национализма, которая активно использовалась для поддержки В. Ющенко в борьбе за президентское кресло.

При этом главные лидеры оппозиции вовсе не были маргиналами, а как раз наоборот – это были высокопоставленные отставники, имеющие большой опыт в политике. Например, Виктор Ющенко – бывший премьер-министр, Юлия Тимошенко – бывший вице-премьер.

Таким образом, политико-экономические элиты различных регионов Украины (со всеми их финансово-экономическими, медийными и идеологическими ресурсами) имели различные и иногда противоречивые интересы. Это создавало возможности для формирования политической оппозиции, которая затем сменила режим Л. Кучмы. Кроме того, надо отметить определенный «разлом» Украины на запад и восток. Хотя его значение несколько преувеличивается [11], тем не менее надо сказать, что он также отчасти создавал возможности для формирования оппозиции.

В Киргизии мы также можем отметить некоторые противоречия между частями страны, только в отличие от Украины, оно имеется не между востоком и западом, а между севером и югом. Еще с советских времен на севере был сосредоточен основной промышленный потенциал республики. Это отчасти привело к тому, что здесь проживает много русских, которые вместе с киргизами составляют основную часть населения. Менталитет населения здесь более европейский, а общественные отношения больше затронуты модернизацией, чем на юге. Юг имеет основой своей экономики сельское хозяйство. Национальный состав здесь уже другой: кроме киргизов большую группу составляют узбеки. Кроме того, ислам на юге получил широкое распространение, особенно среди узбеков.

Клановая система Киргизии, сыгравшая определенную роль в свержении А. Акаева, в отличие от Украины (где существуют большие финансово-промышленные группы, имеющие ту или иную территориальную «прописку»), делает значительно больший упор на родственные связи. Можно выделить три северных и два южных клана. Среди северных можно назвать: чуй-кеминский клан, представителями которого являются сам А. Акаев и его ближайшее окружение, таласский клан (среди его представителей жена А. Акаева и ее протеже, занимающие различные должности), а также нарынский клан. Среди южных выделяются отуз уул и ичкилики.

Последние шесть лет можно назвать временем доминирования кланов севера. Выходцы из них занимали ведущие посты в государстве и, соответственно, доминировали в бизнесе. Северяне не доверяли южанам, подозревая их в оппо-

зиционности. Как указывает руководитель департамента стран СНГ Центра политических технологий С. Михеев, северяне подозревали абсолютно всех южан в антипрезидентском заговоре и в итоге оказались правы [12, с. 44]. При этом очевидно, что причина того, что в основном представители юга стали лидерами революции, как раз кроется в их устранении от участия во власти. Это вынуждало их переходить в оппозицию к Акаеву, поэтому на юге страны сформировался оппозиционный плацдарм, который уже до революции начал разъедать механизмы управления страной.

В итоге в основном все лидеры оппозиции – выходцы с юга, в том числе и высокопоставленные отставники Курманбек Бакиев (экс-премьер) и Роза Отунбаева (экс-министр иностранных дел). Феликс Кулов (занимал множество высоких должностей: вице-президент Киргизии, мэр Бишкека, министр национальной безопасности) – единственный выходец с севера среди первых лиц оппозиции. Таким образом, клановые противоречия и противостояние «север – юг» также сыграли свою роль в формировании оппозиции и свержении режима А. Акаева.

В Грузии ситуация была иная. Так, надо отметить проблему потери контроля и влияния Тбилиси на значительной части территории страны (Абхазия, Южная Осетия, Аджария). Оппозиция начала формироваться вокруг высокопоставленных отставников. Они были устранены от власти после того, как подвергли критике политику Шеварднадзе за неспособность справиться с коррупцией, навести правопорядок и обуздать криминальные группы. Как в Киргизии и на Украине, это были представители нового крыла политической элиты. Д. Тренин пишет: «Советскую номенклатуру во главе с Эдуардом Шеварднадзе свергли люди, по возрасту годящиеся ему во внуки и прошедшие совершенно иную, чем он, образовательную и жизненную школу» [13, с. 9]. Среди первых лиц революции можно выделить Михаила Саакашвили (экс-министр юстиции), Зураба Жвания (экс-спикер парламента) и Нино Бурджанадзе (спикер парламента).

При этом в условиях революционной борьбы активно поддержал Э. Шеварднадзе руководитель Аджарии Аслан Абашидзе¹. Среди митингующих защитников старого режима в основном были люди, привезенные из Аджарии. В таких условиях политическая элита Грузии увидела для себя дополнительную опасность в усилении роли А. Абашидзе в стране. Возможность «абашидзации» Грузии послужила для различных группировок дополнительным стимулом поддержать оппозицию.

Кроме факторов, обуславливающих «цветные» революции, надо подвергнуть исследованию условия для их развития. Так, политические системы стран СНГ имеют множество общих черт. Во-первых, все они президентские или президентско-парламентские. Азербайджан, Армения, Россия, Украина, Киргизия – это президентско-парламентские республики со сверхсильным президентом. Молдавия – парламентская республика. Грузия, Туркмения, Узбекистан, Таджикистан, Белоруссия и Казахстан – президентские республики. Между тем сильный президент создает большую угрозу для демократического процесса. Как указывает Дж. Линц, «тщательный сравнительный анализ системы парла-

¹ Был смещен со своего поста в результате народных выступлений через полгода после «революции роз».

ментаризма и системы президентского правления показывает, что в целом первая все же чаще приводит к установлению стабильной демократии...» [14]. Действительно, большинство стабильных демократических режимов в настоящий момент – это парламентские республики, в то же время единственной президентской демократией, насчитывающей долгую историю, являются США [14]. Среди последствий, к которым ведут республики с сильным президентом, можно отметить следующие.

1. Президентскому правлению присуща жесткость. Парламентские республики – более гибкие системы. Между тем гибкость очень важна в переходный период и позволяет избежать непоправимых ошибок.

2. Выборы в условиях президентского правления – это, по сути, игра с нулевой суммой, когда победитель получает все. Это само по себе чревато серьезными конфликтами.

3. Положение «победитель получает все» усугубляется тем, что президентская власть действует четко отмеренный срок. В течение этого срока закреплены роли победителей и побежденных. У проигравших нет надежд на изменение своего положения с помощью создания новых союзов и коалиций.

4. Президент, получив власть, с легкостью может нарушить все свои предвыборные договоренности, которые были даны как союзникам, так и избирателям.

5. Президент единолично возглавляет институт с громадными полномочиями. В то же время премьер-министр является также членом парламента в парламентских республиках. Поэтому, даже возглавляя правительство, он является частью более крупного руководящего органа. В определенные моменты премьер-министр вынужден встречаться со своими коллегами-законодателями на равных.

6. Оппозиция в президентских республиках находится в гораздо менее благоприятных условиях по сравнению с парламентскими республиками.

7. Отсутствие при президентских республиках монарха или церемониального президента республики, который может символически действовать как сдерживающий институт, делает эти системы еще менее гибкими.

8. В результате своего положения среди институтов власти президент становится ключевой фигурой, на которую и делают ставки его сторонники, начисто игнорируя другие институты и политических противников, что совсем не способствует развитию толерантности и здоровой политической конкуренции.

9. В президентском правительстве значительно меньше вероятность появления сильных и независимо мыслящих членов кабинета по причине того, что они находятся в прямой зависимости от президента.

10. Стабильность президентских режимов, которая часто указывается как их достоинство избегать политических кризисов, оборачивается в итоге массивностью и неповоротливостью всей политической системы. Это устройство, в случае падения популярности президента, ведет зачастую к кризису всей политической системы вместо кризиса кабинета, как в парламентских республиках. Парламентские системы же именно из-за своей кажущейся нестабильности редко впадают в глубокие кризисы.

11. Процедура импичмента настолько сложна, что является, как правило, мертвым институтом. Зачастую единственным выходом (в случае падения по-

пулярности президента и его неадекватной политики) становится военный переворот или революция.

12. Своим заместителем и возможным преемником президент в основном избирает послушного его воле и отнюдь не лидера по натуре. Процесс передачи власти в президентских режимах создает напряжение, даже когда передача идет к преемнику.

13. Премьер-министры в парламентских республиках оставались у власти несколько созывов парламента, не вызывая страха установления диктатуры. В президентской республике ситуация совершенно другая. Не случайно жесткое ограничение одним или двумя сроками правления содержат многие конституции. Однако и это часто не спасает от установления диктаторских режимов на базе президентских республик [14].

14. Безусловно, нельзя делать однозначных выводов по поводу большей демократичности парламентских республик по сравнению с президентскими. Однако тенденция прослеживается достаточно четкая.

Хотя одна из самых долголетних демократий – американская – является президентской республикой, тем не менее этому исключению, возможно, есть объяснение. Обычно цена президентского поста чрезвычайно высока, не случайно выборы президента можно отнести к игре с нулевой суммой. Поэтому срабатывает механизм схожий с дилеммой заключенного. Несмотря на то что сотрудничество в долгосрочной перспективе выгоднее, так как каждая сторона в случае соблюдения правил может рассчитывать на победу в последующем, тем не менее сторона, которая уже имеет власть, подозревает, что ее оппонент, получив власть, не будет соблюдать правила, а потому лучше не отдавать власть. В США эта закономерность не сработала, возможно, потому, что первоначально пост президента не давал больших полномочий. Постепенное усиление федерального центра и, соответственно, значения поста президента позволило сложиться системе долгосрочного сотрудничества между политическими силами страны.

Вторая общая черта государств СНГ состоит в том, что все они кроме РФ являются унитарными государствами, хотя в некоторых из них имеются автономии. В России, единственной федерации в СНГ, в настоящий момент политические институты федерализма во многом демонтированы после реформ В. Путина, направленных на укрепление вертикали власти. Это указывает на то, что власть в основном сосредоточена в центре. В самом центре, в свою очередь, как нами уже было показано, абсолютно доминирует президент. При этом, как указывает С. Мирзоев, во всех странах СНГ легитимность закреплена за президентом столь жестко, что ее невозможно или очень трудно передать новому президенту [15, с. 23]. Даже формально президенты стран СНГ являются очень сильными фигурами. Они обладают обширными полномочиями. Причем *de facto* объем их полномочий гораздо больше, чем *de jure*. Поэтому кроме анализа формальных политических институтов необходимо также затронуть и неформальные политические практики.

Здесь надо коснуться понятия «управляемая демократия». Это понятие стало широко использоваться для характеристики тех политических режимов на пространстве СНГ, которые не скатились к открытому авторитаризму. Ярким сви-

детельством того, что представляет собой «управляемая демократия», стал опыт передачи власти от президента к преемнику в России и Азербайджане. Власть (с помощью преобладания на информационном поле, административного ресурса и политических технологий) смогла осуществить передачу поста президента надежному человеку¹, не пренебрегая выборами. Таким же образом формировались хорошо управляемые парламенты. При этом сам термин «управляемая демократия» вовсе неприемлем, так как неопределенность имманентно присуща демократии, более того: ни одна из сил при демократии не может контролировать результаты политической борьбы [16, с. 60]. Таким образом, мы можем говорить о том, что сам термин «управляемая демократия» не совсем уместен. Скорее, более полезным для исследования ряда режимов в странах СНГ может оказаться концепт «делегативной демократии», предложенный политологом Г. О'Доннеллом. Делегативные демократии имеют ряд существенных особенностей, которые отличают их от институционализированных представительских демократий.

1. Победа на президентских выборах в условиях делегативной демократии дает победителю право управлять страной по своему усмотрению. Его ограничивают лишь политическая конъюнктура и конституционный срок пребывания у власти.

2. Президент в делегативных демократиях – это живое воплощение нации, главный охранитель и знаток ее интересов.

3) Политической базой президента, как правило, является движение, которое преодолевает фракционность и стоит выше политических партий и их борьбы.

4. Другие институты, такие как суды и законодательная власть, рассматриваются зачастую как помеха мудрому правлению президента. Помехи терпят лишь как дань политической моде.

5. Делегативные демократии не являются институционализированными демократиями, но они могут быть устойчивыми. В ряде случаев существуют длительное время без угрозы возврата к обычному авторитаризму и без движения к демократии.

6. Там, где нет активно функционирующих институтов, в делегативной демократии приходят к власти активно действующие силы – клановость и коррупция.

7. В делегативной демократии присутствует некоторая подотчетность по вертикали перед избирателями – это угроза быть не переизбранным. В то же время по горизонтали перед другими органами власти президент, по сути, безотчетен.

8. В делегативной демократии малочисленны и слабы автономные политические институты. Это возлагает на президента бремя непосильной ответственности. В результате зачастую президенты приходят как ниспосланные небом спасители, а уходят как поверженные боги [17].

¹ В случае Азербайджана преемником вовсе оказался сын президента Г. Алиева – И. Алиев. Таким образом, в этом случае можно говорить о переходе власти по наследству.

Делегативная демократия сильно связана с доминирующим положением президента. Многие страны СНГ (Россию, Украину, Киргизию, Грузию, Армению, Казахстан, Азербайджан, Таджикистан) можно отнести к этому типу режимов.

Г. О'Доннелл указывает на то, что причина, по которой страны приходят к делегативной демократии, – это эффект взаимодействия глубокого социально-экономического кризиса, наследуемого от предыдущих авторитарных режимов, и определенные представления о правильном использовании политической власти вместе с соответствующей практикой.

Первоначально приход к власти демократически избранного правительства открывает путь для «второго перехода» (к институционализированному окрепшему демократическому режиму), который часто бывает более длительным и сложным по сравнению с первым переходом от авторитарного правления. Однако нет гарантий, что «второй переход» будет иметь место, более того – новые демократии могут оставаться в уязвимой ситуации делегативной демократии или регрессировать к авторитарному правлению.

Многие факторы способствовали тому, что на пространстве СНГ установились режимы делегативной демократии и авторитарные режимы. Таким образом, некоторые режимы совершили регресс и после первичного перехода от авторитарного режима СССР вернулись к жесткому авторитарному правлению. Другие выстроили режимы делегативной демократии, которые вовсе не способствуют переходу к институционализированному демократическому режиму. Демократия же уникальна тем, что позволяет поправлять политический курс через выборы. Но постсоветские элиты никогда не считали себя нуждающимися в каких-либо поправках. Поэтому они сами профессионально и качественно «поправляли» выборы. Уникальный адаптивный механизм демократической политической системы был разрушен, а резервные адаптивные возможности политических систем в виде убежденности политической элиты в необходимости решать общественные проблемы [1, с. 207] (а не просто удерживать и усиливать собственные позиции) также отсутствовали.

Часто указывается, что режимы Л. Кучмы, Э. Шеварднадзе и А. Акаева были не самыми жесткими на просторах СНГ. Так, Д. Камышев пишет, что «Киргизия всегда была наиболее свободной из всех центральноазиатских республик, поскольку местные власти допускали существование оппозиционных партий и оппозиционных средств массовой информации» [18, с. 19]. Попробуем посмотреть, действительно ли страны, где произошли революции, были более свободными. Для этого обратимся к замерам уровня политических прав и гражданских свобод, проводимым организацией Freedom house (см. табл. 2).

Грузия («революция роз», конец 2003 г.) и Украина («оранжевая» революция, конец 2004 г.) действительно имели в период перед революциями уровень свободы более высокий, чем у других стран СНГ. Кроме них схожими параметрами обладали Армения и Молдавия. В Молдавии революционный сценарий на выборах, которые проходили в 2005 г., не был реализован. При этом власть совершила поворот в своей политике в сторону сотрудничества с Европой и демократических ценностей. В Армении выборы должны пройти в 2008 г., но уровень свобод уже начал понижаться режимом, возможно, как раз с целью недопущения революционного сценария.

Табл. 2¹

Уровень политических прав и гражданских свобод в странах СНГ за 2003 и 2004 гг.

Период оценки	1 января 2003 г. – 3 ноября 2003 г.		1 декабря 2003 г. – 30 ноября 2004 г.	
	политические права	гражданские свободы	политические права	гражданские свободы
Армения	4	4	5	4
Азербайджан	6	5	6	5
Белоруссия	6	6	7	6
Грузия	4	4	3	4
Казахстан	6	5	6	5
Киргизия	6	5	6	5
Молдавия	3	4	3	4
Россия	5	5	6	5
Таджикистан	6	5	6	5
Туркменистан	7	7	7	7
Украина	4	4	4	3
Узбекистан	7	6	7	6

Если мы рассмотрим Киргизию, то по оценкам Freedom House, она имеет средний уровень свободы среди стран СНГ. Схожие параметры у России, Таджикистана, Азербайджана и Казахстана. В Казахстане и Азербайджане реализовать сценарий «цветных» революций оппозиции во время проходивших выборов не удалось. В Киргизии, где режим пал столь быстро и легко, свою роль, вероятно, сыграл принцип домино, когда буквально в годовщину грузинской революции происходит масштабнейшая революция на Украине. Она была близка во временном плане к выборам в Киргизии и произвела впечатление как на власть и оппозицию, так и на население. Кроме того, А. Акаева, столь стремительно бежавшего из страны², возможно, не зря называли «самым демократичным президентом Центральной Азии», и он в реальности оказался более демократичным, чем выстроенный им же режим.

Что касается Туркмении, Белоруссии и Узбекистана, то это откровенно несвободные страны. Попытки любой оппозиционной деятельности в Туркмении, где проходят открытые процессы над оппозиционерами (в духе сталинской эпохи), пресечены. В Узбекистане и Белоруссии попытки «цветных» революций, имевших место в этих странах в 2005 и 2006 гг. соответственно, закончились кровавым расстрелом восставших в Узбекистане и репрессиями в Белоруссии.

«Цветные» революции тесно связаны с выборами. Это является одной из особенностей этих революций. В Грузии и Киргизии это были парламентские выборы. На Украине – выборы президента. Как нами было уже отмечено, политические элиты стран СНГ вовсе не собирались отказываться от выборов,

¹ В таблице приведена информация с сайта <http://www.freedomhouse.org>, уровень политических свобод и политических прав оценивается по шкале от 1 до 7, где 1 есть высший уровень свободы.

² Стремительное бегство Аскара Акаева удивило как его сторонников, так и оппозицию. Это раннее бегство, по мнению ряда экспертов, несколько нарушило мирный сценарий революции. Людям, прибывшим из далеких уголков страны делать революцию, трудно было понять, что старой власти уже нет. Народная энергия была направлена в разрушительное русло.

просто они пытались исключить возможность потерпеть поражение на них. Хотя очевидно, что возможность для власти проиграть выборы является одним из коренных свойств демократии. Поэтому режимы с помощью создания условий неравной предвыборной гонки и фальсификации результатов выборов обезопасили себя от некоторых «неприятных» свойств демократии, сохранив выборы как способ легитимизации внутри страны и на международной арене.

Идеальная схема, названная «управляемой демократией», первоначально казавшаяся безупречной и такой стабильной, таила в себе опасность. Опасность эта заключалась в том, что выборы при всей их несправедливости все же надо было проводить. А каждые выборы, пускай даже сфальсифицированные и идущие в неравных условиях, – проверка власти, некоторая ревизия ее поражений и успехов. Таким образом, в момент выборов режимы «управляемых демократий» находятся в ослабленном состоянии.

Элиты постсоветских режимов постарались превратить выборы в «ритуалы восстания», как их понимал М. Глюкман. Иначе говоря, власть допускает ритуальное оспаривание с целью более эффективной своей консолидации [19, с. 48]. Выборы представлялись как драматизированный мятеж и карнавал, когда оппозиционеры уже примеряют на себя одежды власти, но при этом они ссорятся, спорят между собой и вообще выглядят жалкими, демонстрируя, что «подлинной» власти нет альтернативы. Не случайно представители правящей элиты государств СНГ так не любят участвовать в дебатах с оппозицией, а заявляют о том, что будут заниматься делом вместо болтовни. Они не намерены участвовать в карнавале, однако, как только результаты выборов объявлены и оппозиция повержена, карнавал окончен, начинается нормальная жизнь и правящая элита занимает вновь свое место. Проблема лишь в том, что подобные механизмы «ритуального оспаривания» столь эффективные в древних обществах Африки [19, с. 112–115], дают сбой в постсоветских обществах. Население иногда не удовлетворяется «ритуальным оспариванием», а действительно хочет оспорить положение власть имущих и сместить их.

Однако почему пробуждение населения становится возможным именно во время борьбы за непризнание результатов выборов? Кроме указанного нами фактора сложности для власти самого момента выборов как определенного зачета, который надо сдать, следует отметить наличие множества международных наблюдателей и журналистов во время выборов, что гарантирует освещение действий власти и оппозиции в мировых СМИ. Сверх этого Г. Почепцов выделяет еще два фактора:

1) подготовка по смене режима упрощается тем, что для ведения предвыборных кампаний и борьбы за смену режима нужны приблизительно одинаковые организационные структуры;

2) информационные кампании и в случае выборов, и в случае борьбы за смену режима также схожи [20, с. 15–16].

Действительно, избирательный штаб и его отделения по всей стране¹, тысячи организаторов и агитаторов и действенная пропаганда позволяют обеспе-

¹ Необходимо отметить, что определяющие успех «цветных» революций события происходили именно в столице, а не в провинции.

чить некоторое пробуждение масс и управление их действиями. Но надо учитывать, что власть имеет козыри и здесь в виде громадного аппарата государственного управления, силовых ведомств и гораздо больших средств пропаганды. Кроме того, население вовсе не является совокупностью отдельных индивидов, которые ждут, когда их позовут выступить с протестом на улицу. Поэтому теорию «заговорщической модели», объясняющую все революции как действие манипуляций, пропаганды, идеологии и действий агитаторов, вряд ли стоит рассматривать всерьез применительно к «цветным» революциям. Зачать революцию может только власть, оппозиция лишь помогает ей появиться на свет.

Украинский политолог В. Фесенко указывает на два факта: во-первых, по результатам социологических опросов, большинство населения считало необходимым кардинальную смену политического курса в результате президентских выборов; во-вторых, большинство считало, что выборы будут недемократическими [21, с. 200]. Уверенность в недемократическом характере выборов вовсе не означала автоматически, что они выйдут защищать свой выбор на улицу. Более того, большинство украинцев было убеждено, что в любом случае на выборах победу одержит ставленник власти. И только в ходе предвыборной кампании стало наблюдаться пробуждение активности масс и их готовность отстаивать свой выбор. Большую роль в этом процессе сыграла массовая акция 23 октября 2004 г., когда 100-тысячная демонстрация в поддержку Ющенко прошла в Киеве [21, с. 204]. В итоге, как указывает ряд исследователей, такая активность масс была направлена в первую очередь не на поддержку Ющенко, а на защиту права выбирать власть как такового [22, с. 18].

В условиях выборов, приобретающих характер реальной конкуренции, представители правящей элиты демонстрировали бессилие. Эффективно вести конкурентную борьбу на выборах они не умели, так как всегда упражнялись в том, как «правильно» подсчитывать результаты и как создавать «справедливые» условия борьбы. После того как правящая элита сталкивалась с неприятием ее обычной практики проводить выборы, ей оставалось, по сути, два пути: или отказаться от власти, или отказаться от выборов и всех демократических ширм и применить насилие против народа.

* * *

Таким образом, несколько объективных факторов являются источниками недовольства на пространстве СНГ: экономический рост и связанный с ним рост ценностных ожиданий; наличие референтных групп, демонстрирующих быструю вертикальную мобильность; статусные несовместимости у ряда крупных социальных групп; наличие идеологий, предлагающих альтернативу и обличающих режимы; примеры успешных революционных изменений.

Наличие клановых групп и существующие между ними противоречия в каждой из стран создавали возможности для формирования оппозиции, а затем для ее победы. Противоречия между частями стран оказали влияние на развитие «цветных» революций. На Украине это было противостояние между востоком и западом страны. В Киргизии – между севером и югом. Лидерами оппозиции становились высокопоставленные отставники, имеющие большой опыт и

обширные политические и экономические связи, что, кроме прочего, обеспечивало системность оппозиции.

В государствах на пространстве СНГ существуют различные уровни гражданских свобод и политических прав. В Грузии и на Украине уровень свободы был выше, чем у большинства стран СНГ, наряду с непопулярностью власти он позволял оформиться и набраться сил демократической оппозиции. В Киргизии, несмотря на невысокий уровень свободы, существенное влияние на революционный процесс оказал эффект домино и личные качества А. Акаева.

Некоторые режимы на пространстве СНГ осуществили попытку превратить выборы в «ритуалы оспаривания», которые демонстрируют ничтожность оппозиции и мудрость и силу власти, ведь власть даже в условиях несправедливых выборов находится в ослабленном состоянии. В период выборов благодаря наличию международных наблюдателей и мировой прессы гарантировано освещение акций оппозиции. Предвыборная кампания, штаб и его отделения, агитаторы позволяют оппозиции реализовать планы массового уличного протеста в случае его необходимости.

На пространстве СНГ существуют несбалансированные политические системы, в которых наблюдается сильный перекос в сторону президентской власти, которая оказывает огромное влияние кроме исполнительной также на судебную и законодательную власть. Вертикальное распределение власти также сделано таким образом, чтобы поставить власти в провинциях под прямой контроль президента. В результате вся политическая жизнь прежде всего концентрируется на президенте. В полной мере это наблюдалось и в Грузии, и в Киргизии, и на Украине. Несмотря на то что перекос полномочий в сторону президента заявляется как гарантия стабильности, становится очевидным, что в случае потери влияния президента стабильность политической системы разрушается. Так, вместо правительственного кризиса, который случился бы в схожих обстоятельствах в парламентской республике, в республиках СНГ зачастую возможен лишь революционный исход, ведь применить импичмент практически невозможно. Исключительное положение президентов в странах СНГ, политическая культура как элиты, так и населения и ряд других факторов привели к установлению в ряде стран достаточно жестких авторитарных режимов, а в других – режимов делегативной демократии. «Цветные» революции произошли в странах, где существовал режим делегативной демократии. Попытки совершения революций в авторитарных государствах захлебнулись в репрессиях. «Цветная» революция, подрывая режим делегативной демократии, открывает возможности ко «второму переходу», то есть к установлению устойчивого институционализированного демократического режима.

Summary

A.V. Prokofiev. Reasons and Conditions of “Colored” Revolutions Proceeding on Post-Soviet Area.

The article views the modern phenomenon of “colored” revolutions. The author carries out a complex investigation of the reasons for these events and conditions in which they proceed.

The study rejects popular reductive schemes explaining “colored” revolutions through the influence of the West or a spontaneous impulse of dissatisfied population. The “colored” revolution is shown to be a complicated phenomenon correlating with processes of post-soviet transformation of CIS and having a number of internal and external reasons.

Key words: Colored revolutions, Orange revolution, Rose revolution, Tulip revolution, Georgia, Kyrgyzstan, Ukraine, post-soviet transformation of CIS.

Литература

1. *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
2. *Хоффер Э.* Истинноверующий: Личность, власть и массовые общественные движения / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. – 199 с.
3. *Аристотель.* Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 375–644.
4. *Мизес Л. фон.* Бюрократия / Пер. с англ. – Челябинск: Социум, 2006. – 200 с.
5. *Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – М.: Изд-во полит. лит., 1956. – Т. 7. – С. 5–110.
6. *Толыго А.* Что произошло в ноябре – декабре 2004 года? // «Оранжевая революция»: лозунги и реальность: Сборник / Сост. М.Б. Погребинский. – М.: Европа, 2005. – С. 187–194.
7. *Малинкович В.* О причинах «оранжевой революции» на Украине // «Оранжевая революция»: лозунги и реальность: Сборник / Сост. М.Б. Погребинский. – М.: Европа, 2005. – С. 29–63.
8. *Троцкий Л.Д.* История русской революции: в 2 т. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. – Т. 2, Ч. 1. – 320 с.
9. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
10. *Мухин А.А., Здравовец Я.И., Лунова А.В.* Оранжевый закат, или История о том как поссорились Юлия Владимировна и Виктор Андреевич. – М.: Алгоритм, 2005. – 272 с.
11. На фоне оранжевой революции: Украина между Востоком и Западом: Вчера, сегодня, завтра / Под ред. К.Ф. Затулина. – М.: ОАО «Московские учебники и Картолиграфия», 2005. – 240 с.
12. *Михеев С.* Жертва дурно понятой демократии // Киргизский переворот. Март – апрель 2005: Сборник / Сост. Г.О. Павловский. – М.: Европа, 2005. – С. 35–50.
13. *Тренин Д.В.* Россия и конец Евразии // Pro et contra. – 2005. – № 1. – С. 6–17.
14. *Линц Х.* Опасности президентства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/lintz.php>, свободный.
15. *Мирзоев С.* Гибель права: легитимность в «оранжевых революциях». – М.: Европа, 2006. – 232 с.
16. *Пишевский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 2000. – 320 с.
17. *О’Доннелл Г.* Делегативная демократия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politnauka.org/library/dem/odonnell.php>, свободный.
18. *Камышев Д.* Навстречу ГКЧП // Власть. – 2005. – № 12. – С. 19.
19. *Баландье Ж.* Политическая антропология. – М.: Науч. мир, 2001. – 204 с.
20. *Почепцов Г.* Революция. com. Основы протестной инженерии. – М.: Европа, 2005. – 532 с.

21. *Фесенко В.* Выборы пополам с революцией // «Оранжевая революция»: лозунги и реальность: Сборник / Сост. М.Б. Погребинский. – М.: Европа, 2005. – С. 195–206.
22. *Литвиненко А.* «Оранжевая революция»: причины, характер и результаты // «Оранжевая революция»: лозунги и реальность: Сборник / Сост. М.Б. Погребинский. – М.: Европа, 2005. – С. 17–27.

Поступила в редакцию
05.02.08

Прокофьев Артем Вячеславович – аспирант кафедры политологии Казанского государственного университета.

E-mail: *prokofieff@mail.ru*